

Кругозор

9
1964

Трубите, горны, зорю на заре
для космонавтов и бойцов конармий.
Путь в небо начинался на земле,
пылающей под Керчью и под Нарвой.

Недаром встали рядом на века,
овеянные легендарным ветром,
два юных воина-большевика:
Двадцатый год с Двадцатым веком.

И. КАШЕЖЕВА

«Советская власть есть путь к социализму, найденный массами трудящихся и потому — верный и потому — непобедимый».

В. И. ЛЕНИН

На первой звуковой странице вы услышите голос В. И. Ленина. Речь «Что такое Советская власть?» записана на пластинку в 1919 году. Чтобы помочь вам представить, как выступал Ленин, мы сопровождаем запись рассказом американского журналиста Д. Рида, который не раз слышал и видел вождя революции.

СЛОВО ЛЕНИНА

Ш. МАНУЧАРЬЯНЦ

Я работала библиотекарем В. И. Ленина в Кремле. На всю жизнь запомнились встречи с ним, беседы, его просьбы, шутки. А шутки Владимир Ильич понимал. Любил и сам шутить.

Помню, в начале моей работы Владимир Ильич спросил у Лидии Александровны Фотиковой:

— Как зовут мою библиотекарьшу?

Она ответила:

— Шуша, Шушаника.

Владимир Ильич сказал:

— Я был в ссылке в Шушенском, там была река Шуша, а Шушаника, наверно, ее приток!

Он взглянул на меня и весело рассмеялся.

Как-то пришло много литературы. В один из вечеров, разложив на полу книги и журналы, я начала разбирать их, не думая, что Владимир Ильич так поздно может зайти в свой кабинет. Вдруг открылась дверь, и появился Ленин.

— Я вас чуть не задел.

КОМПАС КРУГОЗОРА

Мне показалось, что Владимир Ильич был несколько смущен — за плечами у него ружье и охотничья сумка. Я стала быстро собирать с полу книги, а он говорит:

— Не уходите, я сейчас уезжаю за город.

Ленин позвонил шоферу Гилю и попросил машину. По личным делам Владимир Ильич всегда сам звонил в гараж.

Вспоминается и такой забавный факт.

Во время дежурства сотрудницы секретариата Наташи Лепешинской один товарищ позвонил по телефону и спросил, нельзя ли ему поговорить с Лениным. Ленин сосредоточенно работал за письменным столом и, не отрываясь от дела, попросил сказать, что его нет.

Наташа взяла трубку и ответила:

— Владимир Ильич просил сказать, что его нет.

Поняв, что она сделала, Наташа обомлела и в растерянности положила трубку не на аппарат, а рядом. Я посоветовала ей пойти и все рассказать Владимиру Ильичу. Вернулась и говорит мне:

— Стою перед Владимиром Ильичем и тереблю платок. Все рассказала, он начал так хохотать, что долго не мог успокоиться, а потом сказал мне: «Ничего, я знаю этого товарища и вечером сам ему позвоню. Не волнуйтесь, идите работать».

Этот случай еще раз говорит о прекрасной душе Ленина. И прекрасна она потому, что была подлинно человеческой в самом возвышенном смысле слова. Думая о Ленине, вспоминая его таким, каким он был, мне хочется привести замечательные слова Н. К. Крупской:

«Ленина не надо превращать в икону. Надо, чтобы его идеи служили бы руководством к действию. Эта мысль, мне кажется, должна быть руководящей идеей у тех комсомольцев, которые хотят стать ленинцами».

Все, кто лично знал В. И. Ленина, отмечают его доступность и скромность. Владимир Ильич терпеть не мог восхваления, подхалимства, ему претит любая попытка возвысить его над другими, подчеркнуть его особую роль. Он считал нелепым, смехотворным и оскорбительным для себя

КЛЮЧ, ОТОМКНУВШИЙ ЗЕМЛЮ

Галина ШЕРГОВА

и для других всякое навязывание своей личности. Известно, что Владимир Ильич в дни выздоровления позвал к себе товарищей и сказал им:

— С большим неудовольствием замечаю, что мою личность начинают возвеличивать. Это досадно и вредно. Все мы знаем, что не в личности дело. Мне самому было бы неудобно воспретить такого рода явление. В этом тоже было бы что-то смешное, претенциозное. Но вам следует исподволь наложить тормоз на всю эту историю.

Ни в одном из помещений Совнаркома он не разрешал вешать своих портретов. Когда 1 мая 1920 года Ленин вместе с нами, сотрудниками СНК, рабочими и красноармейцами участвовал в субботнике вблизи Царь-колокола и фотограф пытался его снять, Владимир Ильич ответил, что он пришел не фотографироваться, а работать, и сейчас же отошел от фотографа...

Воспоминания Ш. Манузардинц «В библиотеке Владимира Ильича» будут опубликованы Издательством политической литературы.

С

оловей мой смутный... Мне казалось, что этой строчкой я, как ключом, отомкну для себя курскую землю.

Порой география звенит словами-сувенирами: вяземские пряники, нежинские огурцы...

И перечитай сотни книг про города, а все где-то мерещится Тула, вздувающая толстобочные самовары, Курск, гремлящий соловьем, скачут по Вятке златогривые и грушечные коньки...

И вдруг ты произносишь «курская», а время откликается тебе словом «аномалия». И разворачивается перед тобой красностенная чаша карьера, перевитая черными нгугами асфальта, по которым ползут 25-тонные МАЗы.

Впервые курская земля открылась мне там: в реке самосвалов, а не в причитаниях соловья. Но я не могла забыть песен, услышанных перед поездкой в эти края. Это были старинные курские напевы, прозвучавшие в кантате Свиридова — его детские воспоминания. И мне захотелось услышать их отзвуки в судьбе сегодняшних курян.

УКРАИНСКАЯ ПЕСНЯ

Солнце боязливо садилось в реку, точно пробуя холодную воду, как робкий купальщик. Зоя бросила еще одну ромашку — та поплыла веселой

звездочкой по реке. Вспомнила: «О вас песни треба спивати», — сказал ей парень тогда, на празднике. Праздник на Сейме и правда был на двоих: сошлись две области — Курская и Сумская, Россия и Украина. И она, Зоя Кошелюкина из колхоза имени 1 Мая, говорила от целой области...

...А какие о ней споешь песни? О чем?

...Девчонка-невеличка, сугробам по пояс, платок крест-накрест, прибегает на ферму к сестрам-дояркам: «Дайте поить». «Ну, куда ее, кроху: корова задавит. Иди арифметику учи».

Девушка-былиночка, руки-веточки, только школу кончила, а опять на ферме. Белый буран над степью, будто молоко бурлит в огромном поддоннике, — ничего не видно. А она третий раз гонит своих коров к колодцу: пусть пьют... Ночами не уснет: ломит руки от дойки. Мать: «Зююшка, ты бы другую работу нашла, полегче». «Привыкну», Ночь к окошку привалилась, спать хочется. Нельзя. Первотелка телиться будет — не упустить».

Девчонка-задира, серые глаза, бусы-бубенчини, дожимает председателя: «Вот, нате же, новая брошюра по кормам, а я в журнал писала про то же, а вчера по радио то же самое — я. Необходимо нам. Срочно». Председатель вздыхает: «Замучила ты нас, Кошелюкина. Долго мучать будешь?» «Долго. Всегда».

Девка-бой, голос переливчатый, чуткие плечики поведет — засмотришься. Стоит над Сеймом, по одну руку Россия, по другую — Украина, и ногам зеленые поймы постелены, говорит с тысячами. «Гляди, не робеет». «Что ей: она и на совещаниях, она и в газетах. Писем одних ей метель летит. Что ей...»

Вот и вся ее жизнь — девятнадцать годков. О чем тут песни петь? В песнях и слов-то таких нет. Но, говорят, поют. Даже на Украине, за Сеймом.

КУБИНСКАЯ ПЕСНЯ

Над полями расходится жгучая кубинская песня. Она звучит в доме председателя колхоза «Заря» Трепакова Владимира Тихоновича. Крутится пластинка, делая председателя снова Володей Трепаковым (хотя и сейчас ему двадцать шесть). Вращается пластинка, и по ее бороздкам идет сейчас Владимир. Идет на площадь Гаваны, где над тысячами голов перекачивается: «Га-га-рин ви-вал!»... Идет по дорогам провинции Камагуэй, плутая в зарослях сахарного тростника... Идет вместе с другом кубинским агрономом Хосе Мануэлю, ощущывая колосья...

Председатель слушает пластинку и пишет. Пишет по-испански. Наверное, Хосе думает, что ему тут дома все просто: ведь на Кубе советские специалисты казались кубинцам почти всемогущими: и технику знали, и экономику, и новые культуры внедрить могли. И когда вечерами собирались поплясать, всегда какой-нибудь кубинец задорно подмигивал: «Ча-ча-ча, Вла-ди-мир... Ча-ча-ча, Вла-ди-мир...»

Можно написать, конечно, что этим летом урожаи повысились, что он, Трепаков, строит зерно-

хранилище, телитник новый поставил, свинарник. Вот клуб закладывают, а то парни и девчата скучают: куда вечером идти?

Вы там, на Кубе, говорили, что у нас учиться упорству, войне с трудностями. Они везде есть. У вас свои. У нас свои. Но, наверное, именно эту науку, науку веры и свершения, вез ты, агроном Трепаков, в далекую страну. Потому и считали тебя почти всемогущим. Что же мне срываться от тебя, Хосе?

Салют, Хосе!.. Ча-ча-ча, парень!

...Еду домой. И вдруг где-то в орешнике зашелся соловей, и снова в ушах зазвучало старинное, курское: «Ой горе да лебедену...» Но время влело в эти песни новые слова, и я услышала, как судьбы уже разных земель подпевают судьбе курян.

МУЗЫКА СЕРДЦА

О «Курских песнях» Георгия Свиридова, пожалуй, лучше всех сказал его учитель Дмитрий Шостакович: «Нот мало, а музыки очень много...» В этом произведении, предельно лаконичном и простом, композитор раскрыл красоту народных песен, имеющих и многолетнюю историю и точный адрес на земле курской: деревня Быстрец, села Долженково и Селино.

Семь песен — семь частей кантаты. И в каждой не только талант и мастерство, но и сердце композитора.

Наша звуковая страница начинается рассказом композитора Георгия Васильевича Свиридова.

ТРЕВОЖНАЯ СВЕТЛАЯ ЮНОСТЬ

Есть на свете немного песен, совсем мало песен, которые стали вечными. Почему? Так ли они прекрасны? И это, конечно. И есть вообще просто прекрасные песни, в которых проскакивала душа народа, его любовь и печаль. Но есть другие вечные песни: их такты вызваны были в мир не гармонией природы, не шумом леса, не звоном реки. Они родились из грозного рохота эпохи, из нарастающих, страшных в своем гневе валов революции.

Такова «Варшавянка».

Ее написал поляк-бунтарь Вацлав Саянцицкий, ее переписал впоследствии ленинский соратник Глеб Кржижановский. Чем она так сильна? Словами, мелодией? Да, хорошие и гордые слова, да, мощная и чуть глуховатая, как поступь толпы, мелодия. Но главное в ней почти необъяснимо. Это проходит не через ум, а через сердце и держит нас во власти песни. Это — электрический заряд, ток песни, ток революции.

Я помню эту песню с тех пор, как вообще начал понимать и уз-

навать мир. Я жил тогда в Машковом переулке, в Доме политкаторжан. Там жили участники революции, каторжники царских тюрем, люди, ходившие на первые мавзевки, стоявшие на первых баррикадах. В дни праздников, в Перлмай и 7 ноября, они шли колонной на Красную площадь. Мы знали их дома ворчливыми, старыми; они ходили по улице, опираясь на палку, а на пятом этаже у них одышка. Но вот они пошли колонной и запели. И песня взяла их в оборот, и голоса накалились страстью и памятью, и распрямилась душа, и шаг стал другим — грозным, неумолимым, как поступь тех, кто низверг строй и власть, казавшиеся незблемыми. Они пели «Варшавянку». Именно «Варшавянку».

Вихри враждебные веют над нами...

...Нас еще судьбы безвестные ждут.

Разные их ждали судьбы. Не только старость и болезни опустошили Дом политкаторжан.

Мы, малолетки, жили их жизнью. Неувиденная нами юность революции, тревожная и светлая юность, шумела на ветру, в знаменах и в песне «Варшавянка».

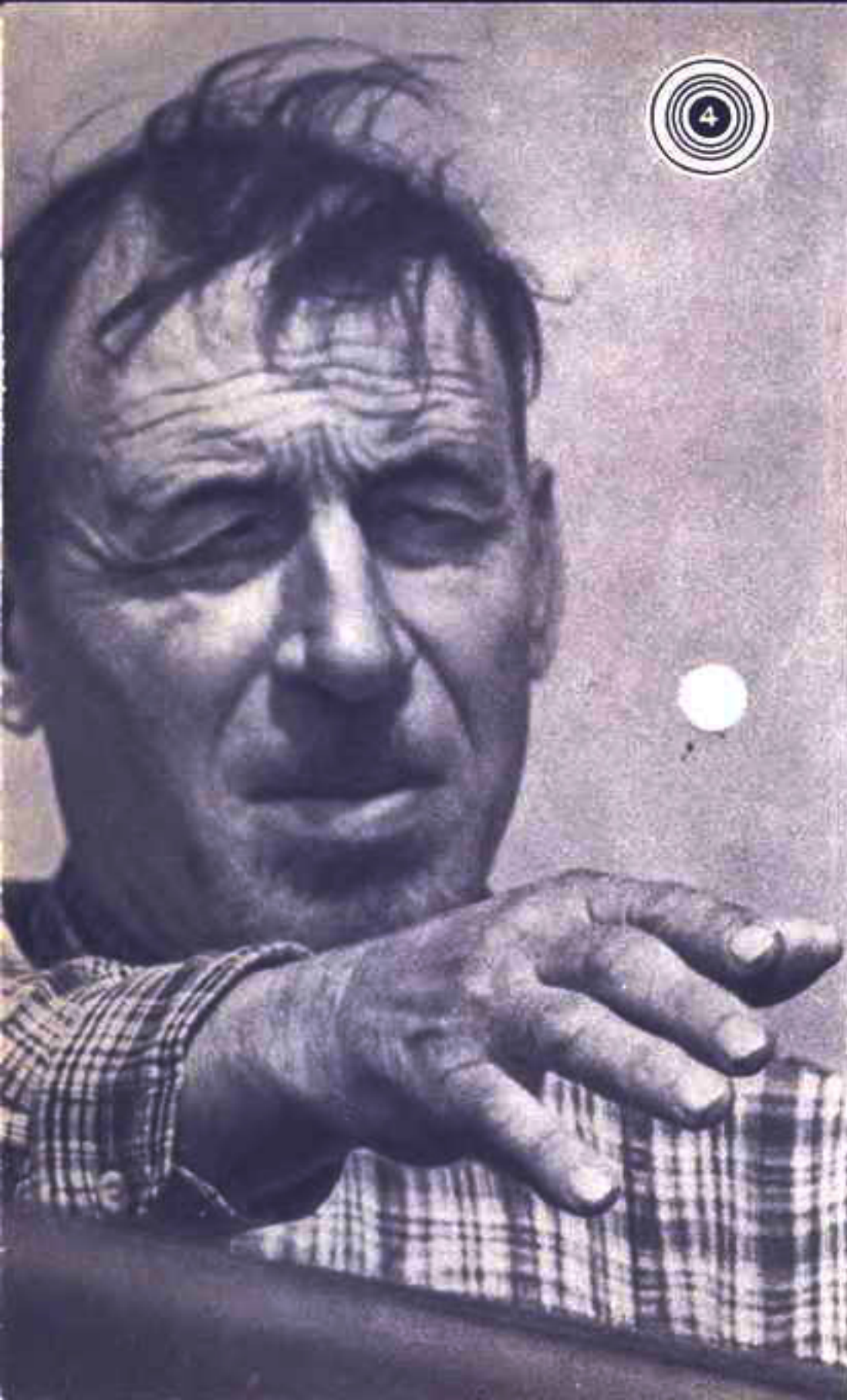
Такой она была для нас, такой и останется.

Но наши старяки, особенно старяки помоложе, пели и другую песню, более позднюю. «Там, вдали за рекой». Хорошая песня, она продолжает «Варшавянку». И все же она иного масштаба, чем «Варшавянка». «Варшавянка» — великая песня, а это хорошая песня.

Песня эта — рядовой в отряде песен революции, в отряде, где впереди — «Интернационал», где правифланговой — «Варшавянка».

Владимир АМЛИНСКИЙ

Слушайте эти песни на второй звуковой странице журнала.

ВСЕ МОИ СЫНОВЬЯ

Четырьмя колесами наша машина отталкивается от дороги, и планета под ударами ярославских покрышек покорно поворачивается к востоку. Медленно и степенно отворяются на рассвете две серо-стальные половинки неба. Ворота зимы. На целине кончилось время, которое было похоже одновременно на праздник и атаку: уборка урожая.

Сто лет назад в омском трактире байский доверенный Тонтамышев продал купцу второй гильдии Николаю Ушанову за 250 рублей открытое только что месторождение каменного угля в Караганде. Несколько лет назад молодые парни в полушубках забивали в голой степи заиндевелыми топорами колпаш-

Фото Л. Лазарева, В. Колетаева.

ки — вехи будущего. Сегодня это будущее наступило. В совхозе «Армавирский», Целиноградской области, мало уже кто помнит, где был первый колышек.

Больше всего здесь заботятся о рентабельности. Заботы эти радостные. Доход от урожая перекрывает уже все расходы, связанные с организацией в степи большого зернового хозяйства. Да и словом «целина» здесь обозначают лишь кусок земли, который по тем или иным причинам не распахан. Настоящую целину.

В совхозе бытует еще одно слово — прошлогоднее. Как рассказывают, той осенью один бригадир сказал на собрании: «Тихий я человек, но сейчас скажу: реваншист я! Реваншист!» Собрание засмеялось и жидко захлопало. Настроение у всех было невеселое. Сейчас в «Армавирском» об этом вспоминают с большой охотой, весело перемигиваясь и подталкивая друг друга. В конторе на ядном месте висит газета, где отмечаются успехи совхоза. Реванш состоялся.

На краю поселка стоит дом, добротно построенный одной большой семьей. Все его взрослые жители носят одну фамилию — Падолки и имеют одну профессию — шофера. При желании они могли бы составить солидную автоколонну.

Семья Падолки мало напоминает традиционных новоселов. Скорее их нужно назвать крестьянами целины. Глава дома Степан Григорьевич (его вы видите на снимке) хочет написать книгу о своей жизни. Но зрение у него не очень-то хорошее, да и рука, которая всю жизнь снимала баранку, не привыкла держать перо. Я посоветовал Степану Григорьевичу диктовать свой рассказ на магнитофон, и четвертая звуковая страница — плод наших совместных усилий в этом направлении.

Ю. ВИЗБОР

Совхоз «Армавирский».

ВСЕ МОИ СЫНОВЬЯ

МУЗА МЛАДШЕГО БРАТА

В полтавском селе росли два брата. Они и не думали, что музыка — их будущее, что Георгий посвятит себя опере, а Платон — песне.

Но прошли годы, и братья сами определили свою судьбу. Имя Георгия Майбороды связано с успехом его опер на сцене театра. А кто не знает песен Платона Майбороды! Иногда кажется, что его «Киевский вальс», «Белые каштаны» или «Песня про рушник» были на Украине всегда...

— Вы можете прийти и четырьмя часам? — спросил Маршак.

— Могу.

— Вот и хорошо. Только не опаздывайте, пожалуйста...

Я пришел к нему за стихами для журнала и приготовился к такому же короткому визиту, как разговор по телефону. Но стихов не получил, только записку с обещанием:

— У меня на днях собирается быть Твардовский. Посмотрит

во. Ни одна минута не проходит зря! Маршак пишет даже ночами. Много курит. Волнуется за каждую строку, отправленную в редакцию. К нему, уже тяжело больному, приходят молодые поэты со стихами, Маршак редактирует, дает советы.

«Тонваген» — автобус со звукозаписывающей аппаратурой — встречается с волнением. Читает у микрофона, порывался чуть ли не после каждого стихотво-

Последняя

Г. ФЛОРОВ

запись

для «Нового мира». Поделюсь! — Самуил Яковлевич хитровато улыбнулся. Потом остро посверлил глазами. — Я вам прочту...

И прочел около двадцати новых стихотворений. Оригинальные стихи перемежались с переводами из Шекспира. Зашел разговор о поэзии, и назалось, не было в литературе ни одного имени, которое он не смог бы вспомнить сразу, без всякого напряжения: память была у него всегда молода.

А на широком столе в небольшом кабинете — горы свежих рукописей. На подоконнике — старинные часы с боем. Время здесь звучит особенно отчетли-

рения спуститься вниз и машине — послушать, как получается. Читает много. Потом все-таки поспешно одевается и выходит на улицу. Сидит в автобусе у аппарата, положив голову на ладонь. Слушает...

Таким — внимательным, требовательным к себе и другим — он остался в памяти.

...Да, живет!
Пусть время бьет
Мелодично и сурово,
Видю снова,
Слышу снова
К телефону

быстрый шаг!
— Говорит поэт
Маршак...

Теро Жар-птица

«Умиравший лебедь» и «Жар-птица». Тень и свет. Два полярных образа, созданных Майей Плисецкой. Вероятно, сопоставление покажется несколько произвольным, но стремление Плисецкой к полету означает для нас не только преодоление земного тяготения. Жизнь и смерть гордых сказочных птиц... «Умиравшего лебедя» Плисецкая танцевала более двух тысяч раз. «Жар-птица» родилась недавно... На следующих страницах — размышления Майи Плисецкой об искусстве балета. Объектив позволяет увидеть балерину в неповторимый момент танца.

«Я всегда любила танцевать. Но труд балерины казался слишком тяжелым. И лишь постепенно я полюбила его».

«Жар-птица»... Тут все построено на прыжках. Но дело не в обычных технических трудностях и не в ловкости, а в том, что эти прыжки затрудняют дыхание. В этом случае балерину можно сравнить со стайером. Чтобы выдержать ритм дистанции, он сначала дробит ее на короткие отрезки. Ему должно хватить дыхания на весь бег. Вот так и здесь...»

«И еще... Есть что-то общее между работой балерины и трудом скульптора. Сначала — эскиз танца. Затем каркас перерастает в крупные фрагменты — эпизоды. После того, как они связаны, мы можем говорить о вылепленном теле танца. И, наконец, одежда — рой мельчайших подробностей...»

«Рисунок танца определен точно. Так же, как музыкальное произведение, зафиксированное в нотах. Но беда в том, что до сих пор для балета не существует специальной записи. На помощь приходит кинолента».

«День танцовщицы протекает поразному, в зависимости от спектаклей и репетиций. Единственный совпадающий для всех нас момент — это утренний тренировочный класс. Он должен быть таким же постоянным, как и восход солнца. Мы начинаем занятия без четверти десять утра. А кончаем... Мне даже трудно назвать час. Так или иначе балет требует всех двенадцати четырех часов...»

...Может быть, тем, кто был на премьере балета Стравинского во Дворце съездов, показалось, что Жар-птица впрхнула в это здание с космическими контурами откуда-то с соседней кремлевской колоколенки. Прямо из сказки. Из волшебства...

Звуковую
страницу
подготовил
А. Гальперин,

АЛЕКСАНДР

Дмитрий
МОРОЗОВ

В кабинете, продолговатом и высоком, как поставленная на ребро книга, несгораемый шкаф, старинный письменный стол и еще шкафчик, чтобы можно было повесить пальто или шинель, смотря по обстоятельствам.

В обычную, а вовсе не потайную дверь, обитую коричневым коленкором, в свое время входили и американец Френсис Г. Пауэрс, пилот «У-2», и англичанин

безопасности при Совете Министров СССР подполковником Александром Васильевичем. Фамилию, думаю, можно не называть. Не ради таинственности, а из деловых соображений. Работа такая.

Александр Васильевич согласился быть собеседником наших читателей на звуковой странице.

Но сначала о нем самом.

ВАСИЛЬЕВИЧ.

Гревилл Винн, коммерсант и разведчик. Бывали здесь и другие звездные персоны, не упоминавшиеся в печати.

Приходят сюда по учтивым, но твердым приглашениям и наши соотечественники. Не только провинившиеся, но и свидетели. Бывает — добросовестные, бывает — и нет. Во всем этом здесь и разбираются. Здесь ведется следствие по делам агентов вражеских разведок, действовавших против Советского Союза.

Сегодня можно познакомиться с хозяином кабинета — следователем Комитета государственной

Подполковник Александр Васильевич не похож на майора Пронина. Нет ни седеющих висков, ни пронизательного взгляда колющих глаз. Что есть, так это — улыбка. Поймите меня правильно: я вовсе не собираюсь умиляться по поводу того, что вот, дескать, следователь улыбается. Просто улыбка у Александра Васильевича независимо от его профессии редкая. Представьте себе, как улыбается Василий Теркин. Такую улыбку не выработаешь, она приобретается вместе с характером, дарится природой как талант.

СЛЕДОВАТЕЛЬ

Портретов и биографий следователей государственной безопасности каждый день в газетах не печатают, поэтому мне интересно было узнать, что человеку, который провел сложнейшее следствие по делу Пеньковского, нет еще и сорока лет. Родом он из деревни, с Северной Двины. В его речи и теперь слышится оттенок северного говорка.

Первой школой для него в семнадцать лет была война, соединение гвардейских минометов, а потом — армейская контрразведка. Пробой сил в двадцать с небольшим лет было участие в разгроме провокаторской группы фашистских агентов отдела «С» восемнадцатой гитлеровской армии. Под видом советских партизан ээсовцы бродили по своим тылам, провоцируя и предавая советских патриотов.

Уже после войны Александр Васильевич окончил юридический институт.

Подполковник рассказывал мне о нескольких делах, которые он вел за последние годы. Показалось интересным вот это...

За границей в одно из советских представительств обратилась русская эмигрантка Варвара Сергеева. Она заявила, что хочет оказать помощь органам советской государственной безопасности.

— Мне, — сказала Сергеева, — известно, что в Москве и в некоторых других городах существует антисоветская организация. Ее субсидирует одна из западных буржуазных разведок. Я могу назвать имена членов этой организации.

...И вот Варвара Сергеева в Москве. Следствие по этому делу было поручено подполковнику Александру Васильевичу.

Продолжение на девятой звуковой странице.

ПЕСНЯ, СОБРАННАЯ В КУЛАК

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ

Эдит Пиаф. Двадцать пять лет назад она взшла на подмостки парижских театров. Ее песни, ее голос, сильный, волнующий голос драматической актрисы, внесли в эстрадный жанр парижского шансонье новые интонации, понятные и близкие каждому, кто приходил на ее концерт. Излюбленной темой, конечно, были неразделенная любовь и одиночество. Но пела Эдит и о молодом парнишке, мчащемся на мотоцикле, и о солдате, возвращающемся на родину, и о женщине, убившей мужа из ревности. И всегда это было великолепно!

Год назад сто тысяч парижан провожали любимую певицу на кладбище Пер-Лашез. И весь путь наной-то человек держал над ее головой трехцветное национальное знамя. Этот человек был одним из ста двадцати спасенных ею в годы войны из немецкого лагеря.

А было так. Эдит Пиаф получила разрешение выступить перед французами, захваченными фашистами в плен. Из лагеря она увезла с собой большую фотографию, на которой была снята вместе с заключенными. В Париже Эдит отдала увеличить фотографию и, вырезав каждое лицо из общего плана, наклеила маленькие карточки на заранее заготовленные паспорта. Затем раздобыла для каждого документа печать парижского полицейского управления. Оставалось только вписать в графу имя, соответствующее фотографии. Через некоторое время Эдит снова попросила разрешения выступить в том же лагере и в чемодане с двойным дном привезла эти сто двадцать фальсифицированных документов.

Сто двадцать бывших солдат были спасены. Если бы немецкая комендатура узнала, кто их спас, Пиаф была бы расстреляна.

В репертуаре актрисы есть песня, очень близкая по настроению этому эпизоду. Слова к ней написал Букэ, музыку — Шовиньи. Она называется «Я знаю, как...»

Послушай, друг, меня! Ты в гнев безысходном
Мечтаешь ли отсюда убежать?

Оковы сбросив с ног, вдруг снова стать
свободным,

извою на воле жизнь начать!

эю, как согнуть железную решетку,

рушить стену и сломать засов,

знаю, как найти и свободе путь короткий

мир, полный счастья, солнца и цветов.

Так что же ты молчишь? Неужель ты мне не

веришь?

Ведь сердца не удержишь на цепи...

Я знаю, как открыть замки, засовы, двери.

Я знаю, как уйти!..

● ЛЮБИМЫЙ

В центре города строят дом. Рабочие стоят на площадках и ловят руками тяжелые белые плиты, которые с неба опускает к ним монтажный кран.

По городу идут иностранцы. Они несут в руках цветы. Один из них останавливает на мостовой девушку и подает ей большую белую розу. Девушка берет розу, улыбается иностранцу и слегка нивает ему головой в знак приветствия.

— Передайте ему, — говорит девушка переводчику, — что я очень хотела бы отблагодарить его таким же образом, но у меня под рукой нет цветов.

Иностранец выслушивает переводчика и что-то говорит ему.

— Он думает, что это не страшно. В знак благодарности вы можете показать ему самое что ни на есть прекрасное в вашем городе, — сообщает переводчик.

— Пойдемте, — говорит девушка и ведет иностранца к дому, который строят рабочие.

Все поднимаются на площадку, где ставят стены. Посреди площадки стоит молодой рабочий и, подняв руку, командует крановщику.

— Вот, — говорит девушка и подходит к рабочему.

— Кто это? — спрашивает иностранец через переводчика.

— Человек, которого я люблю, — отвечает девушка.

● ВЕТЕР

Девушка и старик сидят на скамейке. Девушка читает книгу, а старик потихоньку напевает. Потом он вынимает из кармана газету, разворачивает ее и тоже принимается читать.

Вдоль парка дует ветер, он то и дело вырывает газету из рук старика и бьет раскрытыми ее страницами в книгу, которую читает девушка.

— Папа, — говорит девушка,

— Подожди, — говорит старик.

Летят вдоль парка легкие осенние листья, а эти двое продолжают читать.

— Папа, ты мне мешаешь, — говорит наконец девушка.

— Ты мне тоже когда-то мешала, но я тебе ничего не говорил.

— Я ведь была тогда маленькая и ничего этого не помню, — говорит девушка и заглядывает старику в лицо и улыбается.

Старик поднимает глаза на дочь, тоже улыбается, и оба они продолжают внимательно читать.

Юрий КУРАНОВ

Владимир САВЕЛЬЕВ

✽

Часто мы
нестерпимо упрямы,
больше двух выбирая из двух,
только под ноги смотрим.

да прямо,
а не то чтобы вдаль да вокруг.
Затеваем не схватки, а ссоры,
не порыв проявляем, а пруть.
Если можно прожить

без простора,
значит,
можно и вовсе не жить.

✽

Мужскому повинуюсь долгу,
сердясь за слезы на щеках,
перед лицом
разлуки долгой
мы их целуем второпях.
Мы в жизни ищем побратимов,
несем чужих волнений
кладь
и не печемся о любимых:
любимые умеют ждать.

ТЕРЕ ТУЛЕМАСТ

Таллинну пошел 810-й год. Первая встреча с ним — словно путешествие в прошлое. Приморский парк Кадриорг напоминает о петровских временах, «Старый Тоомас» охраняет город с XVI века, а «Аптека» желает доброго здоровья с 1422 года.

Но Таллин не «лавка древностей». Стремительное, как мотогощии, красное, как праздник, время летит над Таллином. Хотите убедиться в его молодости — тере тулемаст — добро пожаловать в вечерний Таллин!

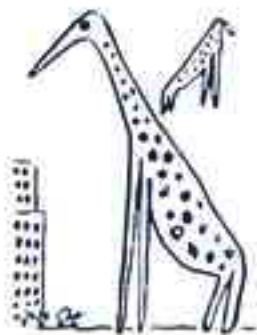

Галерея

Открылся новый магазин. Колбаса для малокровных, паштеты для неврастеников. Психопаты, покупайте продукты питания только здесь!

Трудящийся жираф.

Каучуконосов.

Сначала вы будете считать дни, потом перестанете, а еще потом заметите, что вы стоите на улице и курите.

Он, как ястреб, над ней трепетал...

Однажды, вспоминал Евгений Петров, Илье Ильфу подарили громадную бухгалтерскую книгу. Он ежедневно записывал в нее смешные фамилии, сюжеты, мысли. «Постепенно увлечение прошло, и в книге повалились рисунки, небрежные и резкие ильфовские рисунки, где какой-нибудь профиль, или шапочка с пером, или странный верблюд с пятнадцатью горбами («верблюд-автобус», как называл его Ильф) были повторены десятки и даже сотни раз».

Рисунки, которые мы публикуем, сделаны писателем на засвеченных фотопластинках. Подписи под рисунками — строчки из записных книжек Ильфа.

В. НЕЧАЕВ, Н. ЧЕРНИКОВ

Галерея

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В 03745. Подписано к печати 20.XI.1984 г.
Формат бумаги 84x108^{1/2} мм. Бум. л. 0,5. Печ. л. 1.
Тираж 150 000 экз. Зак. 3052. Цена 1 руб.

Адрес редакции: Москва, Питивская ул. 25.
Телефоны редакции: В 3-74-42; В 3-74-59.
Ордена Ленина типографии газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.

*В Третьяковской галерее.
Фото преподавателя В. Азарова.*

СНИМАЕТ ЧИТАТЕЛЬ

Для тех, кто хочет в новогодний вечер послушать веселую музыку и потанцевать, мы предлагаем двенадцатую звуковую страницу.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

На звуковых страницах:

1. Звуковая Ленинкана. «Что такое Советская власть?»
2. Рожденные эпохой.
3. Георгий Свиридов: песни моего детства.
4. О чем могут рассказать тридцать три золотых зерна.
5. Последняя запись С. Маршака.
6. Майя Плисецкая о себе.
- 7-8. Страницы лирики.
9. Шесть минут в кабинете следователя.
10. Голос Эдит Пиаф.
11. Музыкальное путешествие по трем республикам.
12. Пластинка для новогоднего вечера.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной фирмой «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи.

На первой странице обложки: фотоплакат «Поколения Октября».

На четвертой странице обложки: Куряне (см. в номере «Ключ, отомкнувший землю»). Фото В. Сакка.

Художник В. ЩАПОВ.

Цена 1 руб.